

Из-за двери в коридор повалила целая толпа Цзин У.

Кто-то из них прятал в рукаве нож, кто-то пришел с пустыми руками, но вели они себя на удивление мирно: никакой грызни, сплошное согласие и взаимопонимание.

После короткой шутливой перепалки они наконец перешли к делу.

— Потише, народ, — Цзин У хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание. — Раз уж здесь собрались исключительно свои, не буду ходить вокруг да около. Этот призрак довольно любопытен, и методы у него весьма занятные.

А ведь это были самые что ни на есть настоящие «свои».

— Но это не беда, — подхватил один из Цзин У. — В единении наша сила.

— Только сотрудничество приведет нас к победе, — добавил второй.

— А раз так, то и искать мы будем сообща, — резюмировал третий.

Цзин У мысленно признал, что идея просто блестящая.

Призрак-фотограф, должно быть, и представить себе не мог подобного. Принято считать, будто в душе каждого человека живут ангел и демон, вечно враждующие и вставляющие друг другу палки в колеса. Однако у Цзин У эти двое давно заключили союз и теперь выступали единым фронтом, готовые растерзать любого чужака.

Они быстро распределили обязанности и поделили между собой комнаты четвертого этажа — по несколько Цзин У на каждую дверь.

Коридор все еще тонул в зловещем багровом мареве. Стоило всмотреться в него подольше, как возникало жуткое ощущение, будто ты оказался в утробе исполинского монстра: бредешь по пищеводу, а за дверями номеров тебя ждут жадные, готовые к перевариванию органы. Сделай неверный шаг — и незаметно для себя превратишься в питательный бульон.

Дин Сюэцюань, прикрывая собой Линь Юань, замерла возле лифта. Они все еще стояли лицом к лицу со своими жуткими двойниками, готовые к драке, но когда в багровой глубине коридора послышался приближающийся топот множества ног и гул голосов, запал у всех разом испарился. Страх заставил враждующие стороны забыть о разногласиях.

— Вам не кажется... — задрожал всем телом Тан Мянь, — что все эти голоса принадлежат нашему боссу?

— Да-да, точно! — закивал его двойник.

Не будь здесь его двоюродного брата, Тан Мянью уже давно применил бы свой главный талант и умчался так быстро, что его и след бы простыл.

— Похоже, они приближаются! — мрачно бросил Тан Чжэнь.

Он не сводил глаз со своей копии; оба они не решались сделать первый шаг, опасаясь наведенных друг на друга пистолетов.

— Коридор небезопасен, надо уходить.

— Мне кажется... на нас кто-то смотрит! — всхлипнула Линь Юань, балансируя на грани истерики. — Со всех сторон смотрят! Их так много!

Дин Сюэцюань направила мощный луч фонаря на стену за спиной Линь Юань. Там пестрели бесчисленные черно-белые снимки. С увеличенных портретов на них пялились мертвые, остекленевшие глаза. Искривленные злобой лица с ненавистью взирали на живых.

— Глаза! — Линь Юань мертвой хваткой вцепилась в руку Дин Сюэцюань. — Сколько здесь глаз! Они двигаются!

Дин Сюэцюань сперва списала это на чрезмерную чувствительность испуганной девушки, решив, что у той начались галлюцинации. Но в следующую секунду обычно молчаливый Дун Лэй с силой толкнул плечом ближайшую дверь:

— Внутрь! Быстро!

Тан Мянью шмыгнул в комнату первым. Дин Сюэцюань потащила за собой Линь Юань, а Тан Чжэнь и Дун Лэй заскочили следом. Но когда дверь захлопнули и заперли на замок, беглецы с досадой обнаружили, что их двойники умудрились забиться в комнату вместе с ними.

Игнорируя двойников, Тан Чжэнь повернулся к Дун Лэю:

— Что там снаружи стряслось?

— Я видел... — Дун Лэй тяжело, хрипло задышал, пытаясь перевести дух. — Фотографии... они живые! На всех снимках шевелились зрачки!

— Шевелились? — нахмурился Тан Чжэнь. — Это как?

Дун Лэй резко развернулся к нему. На его лице одна за другой начали лопаться жуткие трещины, в глубине которых стремительно открывались налитые кровью глазные яблоки.

Все эти глаза разом моргнули, и Дун Лэй прорычал:

— Вот так!

Казалось, отель «Рай» питал к цифре «семь» почти мистическую страсть.

Семь этажей, на каждом из которых ежедневно открывалось по семь комнат с каждой стороны коридора — всего четырнадцать номеров на этаж. Если вычесть комнату, где укрылась группа Тан Чжэня, и ту, что заняли Обезглавленная сестра со своим младшим братом, оставалось девять свободных комнат. Именно из них и явились многочисленные Цзин У.

Девять Цзин У принялись за дело. Разделившись, они начали методично перерывать все четырнадцать номеров вверх дном в поисках пристанища призрака-фотографа. И в процессе этих поисков они наткнулись на нечто весьма любопытное.

Снимкам в комнатах не было конца. Стоило сорвать верхнюю фотографию с изображением Цзин У, как под ней обнаруживался чужой портрет, лицо на котором было умышленно замазано черным, лишая возможности разобрать черты. Сами стены номеров словно состояли из спрессованных фотокарточек: слой за слоем, пласт за пластом.

— Думаю, этот тип вряд ли прячется в чужих комнатах, — подал голос один из Цзин У.

Остальные дружно подняли руки:

— Поддерживаю.

— Плюс один.

— Плюс стопицот! — донеслись согласные выкрики из коридора.

Если фотографии напрямую связаны с их владельцами, а комнаты явно предназначались для «других», то у призрака-фотографа оставалось лишь одно собственное убежище.

Коридор.

Его стены сверху донизу были облеплены снимками самого призрака, хотя до сих пор это место

казалось относительно безопасным. Возможно, жестокость, с которой Цзин У ранее разделался с монстром, до смерти напугала того, и теперь хозяин этажа не смел показываться на глаза, чтобы снова не получить на орехи.

— И как нам проверить, в каком именно снимке сидит этот паразит?

Один из Цзин У, явно склонный к пакостям, вертел в руках сорванную со стены карточку. С ухмылкой на лице он принялся поглаживать напечатанное лицо — точную копию своего собственного.

— Разорвать, сжечь или истыкать иголками, — зловеще прошептал подкравшийся сзади коварный Цзин У. — Жаль, серной кислоты под рукой нет. Пару капель — и делу конец.

— Родись ты в древности, точно стал бы великим палачом, — хмыкнул первый и без зазрения совести продолжил лапать снимок: сперва погладил лицо, затем макушку, а после и вовсе бесстыдно перешел к заднице.

Стоявший неподалеку Цзин У внезапно почувствовал, как чья-то невидимая рука оглаживает его с головы до ног. От омерзения у него по коже побежали крупные мурашки.

— Ты что творишь, извращенец чертов?! — разозлился пострадавший. — Мы же один и тот же человек! Хочешь полапать кого-то — лапай себя!

В отместку он бросился в соседний номер, сорвал первый попавшийся снимок и принялся неистово тыкать в него пальцами. К несчастью, под горячую руку попала фотография совсем другого Цзин У. Обиженный тут же пошел в контратаку.

Коридор мгновенно погрузился в хаос.

Сам Цзин У пока просто наблюдал со стороны.

Изначально он полагал, что фотографии на стенах — это результат способности призрака считывать чужую память, распечатывать ключевые моменты жизни и выстраивать на их основе осязаемые иллюзии. Но, столкнувшись лицом к лицу с полчищем собственных копий, он понял, что ошибался.

Это было не чтение мыслей, а самая настоящая съемка.

Каждый кадр запечатлел его в строго определенный момент времени, а комнаты служили проявочными лабораториями, где эти временные слепки обретали плоть.

Разгадку подсказало снаряжение двойников.

У некоторых Цзин У в руках были зажаты кухонные ножи, которые он лично отобрал у напавшего на него фальшивого Тан Мян. У других же ножей не было — по всей видимости, они представляли собой слепки из того промежутка времени, когда оружие еще не было добыто.

Одни тащили за спиной рюкзаки, другие стояли налегке. Кое-кто щеголял в черных кожаных перчатках, а чьи-то руки оставались обнаженными. Все это в точности соответствовало снимкам в тех самых «проявочных» комнатах, из которых они вышли. Каждая копия являлась отражением его состояния в определенный миг.

Но оставался главный вопрос: каким образом этот призрак ухитряется вырезать куски пространственно-временного континуума, переносить их на пленку, а затем проецировать в реальность?

Закончив осмотр комнат, Цзин У заметил, что его копии из разных временных отрезков вот-вот пойдут стенка на стенку. Он вскинул руку и зычно скомандовал:

— А ну тихо! Всем успокоиться. Не хватало еще угодить в ловушку этой твари.

Видя, как его собственные ипостаси, разнящиеся по характеру в зависимости от пережитого опыта, готовы вцепиться друг другу в глотки, Цзин У поспешил навести порядок.

— Наша междоусобица — лучший подарок для врага.

— Верно сказано. Сначала нужно разобраться с главной проблемой, — раздался голоса в толпе.

Все Цзин У прекрасно понимали, кто их настоящий противник, поэтому быстро прислушались к голосу разума.

— Начнем поиски с коридора. И если уж вам так не терпится ставить эксперименты над снимками, лучше сделайте это с его физиономией.

— Отличная мысль! — дружно гаркнула толпа Цзин У, и этот хор мощным эхом раскатился по всему этажу.

Вновь объединив усилия, они достали свои нехитрые пожитки и принялись сдирать разложенные на полу снимки, чтобы проверить их на прочность.

— Смотрите, я нашел зажигалку, — ухмыльнулся один из Цзин У. Чиркнув кремнем, он поднес пляшущий язычок пламени к краю фотографии.

Тут же завоняло паленым — тяжелым, удушливым запахом горелой органики, словно тлели человеческие волосы. Огонь мгновенно поглотил глянцевую бумагу, превратив ее в горсть черного пепла, который медленно осел на пол коридора.

Словно от почувствованной угрозы, атмосфера в коридоре ощутимо сгустилась. Все развешанные по стенам портреты зашевелились. Глаза на них лихорадочно заморгали, недобро провожая взглядами расхаживающих между ними Цзин У.

— А у меня есть нож, — весело отозвался другой Цзин У, виртуозно крутя на пальцах лезвие. Внезапным, отточенным движением он метнул его, точно дротик, прямо в висящую на стене фотографию.

— А-а-а-а! — раздался истошный, визгливый вопль.

Из пробитого глаза на черно-белом снимке хлынула багровая кровь. Вскоре на месте зрачка зияла лишь рваная плотоядная рана, а расплзающееся кровавое пятно быстро пропитало бумагу, превратив портрет в бесформенное, размокшее месиво.

Еще один Цзин У из чистого любопытства ткнул пальцем в соседний снимок. В то же мгновение кожа на его собственной тыльной стороне ладони лопнула, обнажив узкую щель. Внутри заворочалось и медленно вылупилось наружу налитое кровью глазное яблоко.

— Какая гадость, — поморщился Цзин У.

Не колеблясь ни секунды, он замахнулся и с силой вонзил острие ножа прямо в этот новоявленный глаз! Однако фонтана крови не последовало: испуганный зрачок мгновенно втянулся обратно и исчез, так что кончик лезвия замер в миллиметре от неврежимой кожи.

Цзин У небрежно крутанул нож в пальцах и разочарованно хмыкнул, разглядывая гладкую ладонь:

— Тьфу, трусливая тварь. Стоило слегка припугнуть, как тут же сбежал.

Уязвленный этим замечанием, призрак решил отомстить. Изображенные на снимках лица оскалили уродливые пасти, принимаясь яростно клацать зубами, словно дикие звери. Опаснее всего были те, что лежали под ногами: стоило зазеваться, как бумажные челюсти хватали за штанину, пытались повалить жертву на пол и разорвать на куски.

Один из Цзин У как раз угодил в такую передрагу. Бумажные пасти намертво вцепились в его шнурки, заставив растянуться на полу, после чего на него лавиной набросились десятки других зубастых снимков. Барахтаясь в этой куче мале, он умудрился съязвить:

— Надо же... Никогда бы не подумал, что докачусь до групповухи с кучей мужиков.

— Подсобить? — к нему неторопливо подошел молчаливый, с виду крайне замкнутый Цзин У, намеренно наступая подошвами прямо на выпученные глаза разложенных на полу портретов.

— И как ты мне поможешь? — отбиваясь от наседающих ртов, прохрипел лежащий. — У тебя же даже оружия нет.

— Оружия действительно нет, — флегматично согласился молчун. — Зато я очень хочу отлить.

С этими словами этот тихий Цзин У положил руку на ширинку и с явным предвкушением посмотрел на беснующиеся у его ног бумажные пасти.

— Не переживай, я бью без промаха. На тебя ни капли не попадет.

И с самым серьезным выражением лица он медленно потянул бегунок молнии вниз.

Под негромкий треск расстегивающейся молнии все кусачие призраки на полу разом испарились, а уцелевшие пасти захлопнулись с плотностью ракушечных створок.

Все Цзин У вытаращились на своего нелюдимого собрата, который столь изящно разрешил проблему, а затем хором выплюнули:

— Пошляк!

Тихоня лишь снисходительно улыбнулся с видом гениального стратега:

— Это называется тактическим маневром.

Под прицелом десятка ошеломленных взглядов он не спеша застегнул ширинку. А затем, победно выпятив таз вперед, самодовольно бросил:

— Чего уставились? Завидуете, что у меня больше всех?

Остальные Цзин У:

—...

Настоящий Цзин У поспешил ретироваться, прикрыв лицо ладонью.

Боги, он ни за что на свете не признает, что это вульгарное недоразумение — его собственная копия!

<http://bllate.org/book/20146/2118440>